

Вагун Осипов

АМУ-ММФ «««Р

Мореходка

16+

Вадим Осипов

Мореходка

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Осипов В. В.

Мореходка / В. В. Осипов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Документальная повесть «Мореходка» рассказывает о годах учёбы автора в Ленинградском Мореходном Училище Министерства Морского Флота СССР, которое располагалось по адресу: Большой Смоленский проспект, дом 36. Увлекательный и правдивый рассказ о курсантских буднях, крепкой морской дружбе и романтике дальних странствий ждёт читателя на страницах этой книги.

Мореходка

Посвящается всем выпускникам ЛМУ ММФ СССР

Мореходка – это слово вобрало в себя всё самое важное, что было в моей жизни до момента, когда я почувствовал себя взрослым. Во-первых, это Мечта, во-вторых, это Юность, в-третьих, это Профессия. Моря я не видел до третьего курса мореходного училища, но мечтать о нём начал с шестого класса школы. Море для меня, в первую очередь, было местом, где всё не так, как на берегу. Там простор, волны, белоснежные чайки в бескрайнем небе над головой, таинственные и манящие дальние страны, огромные корабли, уплывающие в синюю даль, и самые дружные и надёжные в мире люди – моряки!

Вадим Осипов (выпуск РТО ЛМУ ММФ СССР 1981 г.)

Часть первая: «Приказано выжить!»

I.

С книжной романтикой в башке, налитыми силой гребца-перворазрядника мускулами и весьма приличным аттестатом об окончании школы я предстал перед приёмной медицинской комиссией Ленинградского мореходного училища Министерства Морского Флота СССР. Комиссия в лице единственной училищной медсестры проверила моё кровяное давление, вздохнула: «Высоковатое оно что-то у тебя!» (Ещё бы: две бессонные ночи, проведённые в коммуналке у моей двоюродной тётки, где меня с воодушевлением грызли местные клопы, не прошли даром.) И, взглянув на мою фигуру Самсона, разрывающего пасть льву, с жалостью спросила: «Троек–то много?» «Нет у меня троек! – в отчаянии промямлил я. – Спал плохо». «А-а! – обрадовалась медсестра. – Ну, тогда ладно! Иди, поступай!» И, записав в медицинской карточке стандартные, устраивающие всех показатели, благословила меня на мою дальнейшую флотскую жизнь.

В коридоре перед аудиторией, где нам предстояло сдавать математику, переминались несколько десятков нервничавших, ожидающих своей очереди абитуриентов. Все примерно одного возраста. Часть из них до этого уже пыталась поступить в «Макаровку» (ЛВИМУ им. Адмирала Макарова), но там не повезло, и они испытывали судьбу во второй раз. Третьего раза могло уже и не быть: возраст призывной, а в мире неспокойно. Но тогда ещё мы не могли даже предположить, чем нам всем «аукнется» Афганистан! Когда нервное напряжение приблизилось к своей кульминации и повисла тяжёлая тишина, на этаже появился слегка покачивающийся разбитной парнишка, с красными, после вчерашнего «принятия на грудь», глазами и весёлой ухмылкой. «Не ссыте, братва! Всё будет хорошо! Мы вчера сдавали – всё путём! С Донбасса есть кто?»

Все выдохнули, и на душе сразу полегчало! В аудиторию я входил уже спокойный и даже весёлый. На сердце было легко, а голова работала, как отлаженный механизм, выдавая правильные и точные ответы на вопросы билета. Первый экзамен был сдан! Да ещё и на пятёрку! В эту ночь я спал как убитый! Клопы так и не смогли до меня достучаться!

II.

«Ура! Я – курсант!» Согласитесь, это совсем не то же самое, что «Ура! Я – студент!» Как говорят в Одессе, «это таки две большие разницы!»

Во-первых:

сдача всех экзаменов – это не гарантия того, что ты уже поступил. Вот когда ты сдал все вступительные экзамены. Нашёл себя в списках, где проставлены оценки. Сложил все полученные тобой баллы со средним баллом по школьному аттестату и получил сумму выше 13,5 баллов, вот только тогда, среди остальных 7-8 соискателей на одно место, ты можешь *иметь шанс* быть зачисленным в курсанты ЛМУ ММФ СССР!

Во-вторых:

господа студенты, вы знаете, что такое «Мандатная комиссия»? Вы не знаете, что такое «Мандатная комиссия»? Это то, на что вы уже никак не сможете повлиять. Все ваши родственники: родители, дяди, тёти, братья, сёстры, внучатые племянники и «седьмая вода на киселе» будут проверены Особым отделом (чтобы в дальнейшем, в случае пребывания за границей, у тебя бы не было повода там остаться). И, если Особый отдел даст «Добро!», твои документы лягут на стол к Начальнику училища.

И вот ты войдёшь в огромный кабинет, где за столом молча будут сидеть незнакомые тебе, очень серьёзные люди в морской форме с золотыми нашивками до локтей. После твоего доклада о прибытии они пронзят тебя насквозь рентгеновским взглядом, заглянут в папочку, которая лежит перед самым солидным среди них человеком, Начальником училища, и зададут тебе пару вопросов, касающихся тебя лично ...

Вот только тогда, после слов Начальника училища: «Поздравляю! Вы зачислены в наше училище на второй курс Радиотехнического отделения! Позовите следующего!», ты уже можешь заорать в коридоре во всю глотку: «Ура! Я – курсант!» Но этого делать не надо! В коридоре тебя уже ждёт военный моряк в погонах капитана 3-го ранга и списком, где есть твоя фамилия. Это твой отец-командир, который заменит тебе всех остальных родственников на 3 года и 4 месяца и научит «Родину любить!» А на завтра, в 09.00, ты должен будешь стоять с вещами, в общем строю и гордо нести по жизни звание курсанта 21 роты Радиотехнического отделения Ленинградского мореходного училища Министерства Морского Флота СССР! Хочу пояснить, почему нас принимали сразу на второй курс. В 1954 году в Училище стали принимать абитуриентов, окончивших школу на базе 10 классов, сразу на второй курс обучения. В дальнейшем приём в Училище на базе 8 классов был прекращён и первого курса не стало.

III.

Чувства, которые тебе придётся испытать в последующие два первых месяца «карантина» на территории Училища, будут, в основном, сводиться всего к двум: тебе всё время будет хотеться есть и спать! Причём, к первому чувству ты привыкнешь примерно через полгода! А второе останется навсегда! За решётчатым забором Училища ты оставишь тот мир, который знал на протяжении всей своей жизни. Ему на смену придёт другой мир, где ты будешь подниматься по трапу, а не по лестнице, драить палубу, а не мыть пол, окуная ветошь в обрез, а не тряпку в ведро с надписью «21 рота Палуба». Ты будешь носить «гады», а не ботинки, прикреплять «плевок» на мицуху, а не кокарду с якорем на фуражку. Ты будешь знать, что флотские брюки отличаются от обычных отсутствием ширинки (!), и это позволяет Российскому моряку справлять малые естественные надобности (а так же любовные утехы) без «оскорбления взгляда начальства своим голым задом!» Ты узнаешь, что есть замечательное существо – «Шара»! Что оно мягкое, круглое и пушистое! И, когда оно катится рядом мимо тебя, нужно вцепиться в него со всей своей силы всем, чем можешь, и попытаться преодолеть текущие трудности «на шару» с помощью этого прекрасного, но капризного и непредсказуемого создания. Получаться может не всегда, но к этому надо стремиться! Если не получается, то тогда «Шара не катит!» Из личных вещей у тебя будут зубная щётка, паста, портфель для конспектов, носовой платок, домашние тапочки и часы на руке. Ты будешь жить на втором этаже экипажа № 2, в кубрике с пятью твоими одногруппниками. Хранить зубную щётку и пасту в тумбочке на

двоих, иметь личный рундук (шкаф) для верхней одежды и обуви. Табурет, называемый банкой, для аккуратного складывания на него перед отбоем рабочего платья: робы (синей рубахи с такими же брюками), матросского воротника (в просторечие неправильно, но повсеместно именуемого «гюйсом»), тельняшки и ремня с якорем, на начищенной пастой ГОИ блестя.

Относительной удачей будет для тебя назначение уборщиком кубрика, поскольку ты не будешь принимать участие в общей приборке помещения роты, уютно шваброй квадратные километры палубы (включая умывальные комнаты и галюны), а будешь поддерживать порядок во вверенном тебе жилом помещении. При этом сачкануть не удастся, поскольку за порядок ты отвечаешь персонально. Ты убедишься, какие прекрасные, широкие чёрные полосы остаются на плитках линолеума после каждого прохода по ним твоих товарищей. У тебя будет припрятано личное бритвенное лезвие, без которого ты фиг ототрёшь эти полосы с пола, а радио, которое висит в кубрике на стене и играет очень и очень тихо (поскольку кубриков много, а радиосеть одна), можно включить погромче, если закоротить согласующий трансформатор и подключить динамик напрямую. Ты сможешь, наконец, услышать, что происходит во внешнем мире, какой урожай собрали труженики полей и даже послушать классическую музыку! Но радио будет играть недолго, т.к. твои товарищи из других кубриков (которые тоже хотят послушать классическую музыку, но их радиоприёмники ты обесточил своими действиями, и они совсем уже ничего не слышат) возьмут электрическую вилку с двумя оголёнными на концах проводами, воткнут вилку в электрическую розетку (220 вольт), а оголённые концы вставят в радиорозетку (30 вольт). Почти сразу же после этого все «закороченные» в общей сети радиоприёмники издадут звук «Бах!» и появится немного дыма. Причём все обычные радио не пострадают, т.к. для этого и существует согласующий трансформатор! За каждый

радиоприёмник отвечает весь кубрик. Стоит радио 5 рублей. Стипендия курсанта – 9 рублей. Её вполне хватит на покупку нового радиоприёмника (возможно, что на всё остальное денег у курсанта может не хватить, но это уже совсем другая история.) Новое радио должно быть куплено и установлено на прежнее место. О чём и должно быть доложено отцу-командиру. Изучайте электротехнику, друзья, в жизни пригодится!

А для любителей классической музыки есть курсантский анекдот:

«Пошли курсанты в увольнение. Стоят два старшекурсника перед училищем и решают:

– «Ну, куда сегодня? По пиву или по бабам?»

Один предложил монетку кинуть:

– «Если “орёл” – то пойдём по пиву, “решка” – по бабам!»

Тут к ним подходит второкурсник:

– «Ребята, а когда же вы в театры, в музеи ходите?»

– «А-а, салага, это когда монетка на ребро встанет!»

IV.

Если вы думаете, что главным для радиста на флоте является приём и передача радиogramм, то вы ошибаетесь! Главным для радиста является обеспечение безопасности жизнедеятельности человека на море! Поэтому он должен уметь слушать! Слушать радиоэфир два раза в час с 15-той по 18-тую и с 45-ой по 48-ю минуты на частоте вызова и бедствия. Это периоды тишины. Именно в эти минуты прекращается радиообмен на этих частотах и можно без помех услышать сигнал SOS от терпящего бедствие морского судна или летательного аппарата.

Слушать звуки могут все, но *слышать морзянку* дано не каждому! Есть люди, слух которых не позволяет им различать тире и точки, передаваемые в эфире. Способность воспринимать морзянку на слух выявляется на первых занятиях курсантов по ЭРС (эксплуатации радиосвязи). Тем, кто оказался «профнепригодным», предлагали сменить специальность, выбрав между тремя оставшимися отделениями Училища: судоводительским (СВО), эксплуатационным (ЭКО) и загадочным АХО (отделением административно-хозяйственной службы на судах.) К «судоводам» было не пробиться: всё занято «под завязку». К «мешкам» идти было «западло», т.к. они после окончания Училища работали диспетчерами в порту – «сухопутные моряки». Они в отместку называли нас «паяльниками». АХО же осуществляло свой первый набор, и никто практически не знал, кого оно будет готовить. Наш товарищ, отчисленный по профнепригодности с РТО (радиотехнического отделения), перевёлся на АХО. Беседа с ним на переменах между лекциями, мы узнали, что АХО готовит пярых помощников капитанов на пассажирских судах и ледоколах. Там есть такие должности в штатном расписании. В подчинении у пятого помощника находятся все буфетчицы, камбузники и уборщицы. А также, артельщик, который заведует судовой лавкой (артелкой), где члены команды судна могут покупать некоторые товары для личного пользования. В общем, не жизнь, а сказка! Всегда сыт, пьян и нос в табаке! Да ещё и должность командная! А занятия на АХО проводятся по предметам: приготовление пищи на судах, ассортимент продуктов, закупка продовольственного снабжения и т.д. «Ну, ладно, мне пора на лекцию, – прощался с нами бывший однокашник. – Сейчас нам будут читать «котлету по-киевски», а на втором часе – коньяки и шампанское!» Мы тихо сползли по стенке и отправились изучать Азбуку Морзе.

V.

Человек привыкает ко всему. Два месяца мы привыкали подчиняться: начальнику училища, его заместителям, начальнику отделения, начальнику строевого отдела, дежурному по училищу, дежурному по учебному корпусу, дежурному по экипажу, командиру роты, старшине роты, его заместителю, старшине группы, его заместителю, дежурному по роте и всем старшекурсникам. Поскольку каждый мог тебя «припахать», совершенно не считаясь с твоим мнением. Ты и курсантом-то только назывался, а официально ты был – никто. Так как приказ о твоём зачислении в училище будет подписан начальником только после окончания карантина. Это было связано с тем, что на всех нас, как на радиоспециалистов был Государственный заказ. Через 3 года и 4 месяца Училище должно было подготовить определённое количество радистов, которые в соответствии с Планом очередной пятилетки будут трудиться на важных Государственных направлениях, как молодые специалисты. План – закон! Он будет выполнен любой ценой! Поэтому, с учётом будущих «естественных потерь», курсантов набирают больше, чем будут выпускать!

На 150 мест было принято примерно 178 человек. Эти 28 были человеческим резервом в предстоящей битве за выполнение Госплана. Эти ребята жили в городе, ходили «по-гражданке», но посещали занятия вместе с нами. И были для нас живым напоминанием, что «борьба за выживание» уже началась. Задачей «минимум» для нас было остаться в Училище, а для них – попасть в Училище. Поэтому руководство с нами особо не церемонилось. Любой «залёт» мог стать для тебя «вылетом!» Система работала чётко и отлаженно. Только тогда мы поняли, почему большинство курсантов называет Училище – Системой. Принцип «Живи по уставу – завоеешь Честь и Славу!» мы прочувствовали с первого дня. Старшин назначал командир роты из числа отслуживших срочную службу. Эти «дембеля» быстро показали нам, что говорить мы можем только с их разрешения, а приказы должны выполнять качественно и «бегом». В противном случае шёл доклад командиру роты, тот вносил тебя в «расстрельный» список, и в течение последующих суток ты уже за воротами. Прощай, море!

Но, и сами старшины были в таком же положении. Многие из «дембелей» (не поняв, что дембелями они были до поступления сюда, а здесь они не дембеля, а «салаги»), расслабились, позволяли себе то, что позволять было нельзя, и со скоростью пули вылетали за ворота. «Неприкасаемых» среди нас не было, и все это поняли. Поэтому чувство «жопливости» стремительно развивалось у всех новоиспеченных курсантов и превращалось в инстинкт. Ты знал, что если в коридоре ходит кто-либо из начальства, то в коридоре тебе делать нечего. Что если твои руки свободны, в них нет швабры, ведра или лопаты, то ты – праздно шатающийся оболтус и подлежишь мгновенному привлечению к выполнению какой-либо особо грязной, тупой и неотложной работы, которую необходимо срочно сделать и доложить начальству о выполнении. Что все передвижения по территории Училища нужно осуществлять только в строю. Индивидуально можешь перемещаться только с повязкой дежурного на рукаве или с запиской от командира роты, что ты выполняешь его поручение. Поэтому понятие «зашхериться» быстро вошло в наш лексикон и подразумевало, что ты должен был найти себе «шхеру»: использовать любые складки местности или окружающей обстановки, чтобы остаться незамеченным. А если тебе поручена работа, то не торопись её выполнять до конца, так как после доклада о выполнении ты будешь тут же «озадачен» начальством новым поручением. Согласно «Распорядка дня Училища», личного времени у курсанта было 45 минут в сутки, которое нужно было потратить на приведение в порядок обмундирования и личную гигиену. По истечении двух месяцев все кандидаты в курсанты успешно заменили «убитых и раненых», и все «оставшиеся в живых» были внесены в приказ о зачислении в Училище и получили курсантские билеты.

VI.

Наступил ноябрь. Нам выдали форму №3: тёмно-синие форменные рубахи из шерстяного сукна (мы их называли «фланками») и чёрные форменные брюки. Из верхней одежды нам полагались бушлаты. Вот теперь мы выглядели как заправские моряки! На левый рукав фланки и бушлата пришивался погон с курсовыми знаками (шевронами), якорем и латунными буквами МФ ЛМУ. Круглая кокарда с якорем выгибалась в овальную форму и занимала место на фуражке. Старшинам разрешалось носить вместо неё вышитый «краб». Воротник (гюйс) отглаживался так, что на нём были три «стрелки». К бушлату полагался так называемый галстук (который все называли «сопливчик»). С внутренней стороны галстука обязательно должен был быть подшит белый подворотничок. И, поскольку выдаваемый белый материал очень быстро заканчивался, подворотнички вырезали из краёв простыней. В результате к концу года простыни получались изрядно укороченными и весьма разнообразной формы.

Те, кто хотели выглядеть в увольнении бывальыми мореманами (как-никак уже две «сопли», т.е. две галки на рукаве), вшивали в брюки клинья, и получались брюки «клёш». Но данное усовершенствование беспощадно пресекалось администрацией, и виновник должен был собственноручно вырезать клинья перед бдительным взором офицера училища. Поэтому брюки «клёш» шились на стороне и полулегально одевались в увольнение. Первое увольнение после двух месяцев «заточения» было праздником, но не для всех. Те, кто умудрился получить за время учёбы два балла по какому-либо предмету и не исправил их до субботы, попадали в список неуспевающих и лишались увольнения в город. Эта была трагедия жизни! Касалось это абсолютно всех, и даже старшины, которые до этого момента чувствовали свою «исключительность», в учёбе сравнивались со всеми «рядовыми». «Дурбат» (дурацкий батальон – неуспевающие курсанты) оставался в училище и вместо увольнения шёл в учебный корпус на самоподготовку. Причём дежурный офицер обходил все аудитории со списком, и отсутствие на самоподготовке приравнивалось к самовольной отлучке со всеми вытекающими последствиями. Поэтому все взялись за учёбу всерьёз.

Вернусь к понятию «зашхериться»: «прикинуться ветошью и не отвечать» было нормой. Но вершина мимикрии была достигнута пареньком из нашей группы, который умудрялся засыпать где угодно и когда угодно.

Как-то вечером в субботу, когда все были в увольнении, я сидел подвахтенным в кубрике, а Толик Стеценко (мы звали его «Стэц»), закончив самоподготовку в составе «дурбата», вернулся в кубрик, залез в кочку под матрас, не расправляя кровати, так как до отбоя было ещё далеко, и заснул. Телосложения он был тонкого, много места не занимал. Кровать сверху выглядела пустой и абсолютно ровной. Спал он тихо, не шевелясь. Дежурный офицер, совершая обход училища, забрёл на наш этаж и вошёл к нам в кубрик. Я доложил, что нахожусь в наряде подвахтенным. Он окинул взглядом пустые кровати, кивнул, и собрался уходить. И тут Толик шевельнулся! То есть совершенно пустая застеленная кровать вдруг громко зловеще закрипела и стала двигаться, как в фильме ужасов! Офицер аж подпрыгнул от неожиданности! Волосы у него под фуражкой встали дыбом, и он от ужаса заорал: «А-а-ай! Это что?!» В то время были модными разные слухи про Барабашек и полтергейст, и, видно, дежурный офицер тоже был в курсе. Вместо Барабашки из-под матраса высунулась заспанная физиономия Толика и заморгала глазами на побледневшего Дежурного по училищу. Дежурный офицер выдохнул, слегка порозовел, вытер со лба пот и, так и не найдя, что сказать, крикнув, покинул помещение. Толик уставился на меня: «Это чего было?» Я, просмеявшись наконец, сказал ему: «Стэц, ложись как человек! Хватит людей пугать!» Больше в тот вечер к нам никто не заходил.

VII.

Праздник Великой Октябрьской Социалистической Революции отмечался в то время повсеместно и широко. Мы готовились к нему заранее. Тренировки проходили как на терри-

тории Училища, так и на улицах Невского района. Когда мы научились «тянуть носок» и впечатывать ровную стопу в асфальт, при этом не нарушая ровной линии шеренги из восьми человек, когда смогли все вместе, одновременно во всю глотку проорать: «И-и-и, раз!», синхронизируя действия всего строя, и останавливаться по команде «Стой!» на раз-два, то тогда общий строй училища возглавила Знаменная группа. За ней следовал наш духовой оркестр, а потом мы. И под «Славянку», в окружении флажковых, парадным маршем личный состав ЛМУ ММФ СССР следовал по улицам Невского района, завершая периметр прохождения с другой стороны Училища.

И вот настал день 7 ноября! Нас подняли не в 7.00, а в 6.00. Одевшись по форме №3, мы отправились на завтрак. По случаю Праздника на каждый стол была дополнительно к маслу, белому хлебу и сахару выдана нарезанная варёная колбаса. Бутерброд с колбасой взбудрил наши силы, и на построении в помещении роты в бушлатах и фуражках от нас приятно пахло чесноком, гуталином и праздником! На автобусах нас довезли до Площади Александра Невского. Всем были розданы флаги и транспаранты, и мы встали в общую колонну Невского района. Начало демонстрации было в 10.00. И все мы в ожидании начала движения стояли на Старо-Невском проспекте. Отстояли час, пошёл второй. И тут выпитый за завтраком чаёк на прохладе попросился наружу. Место для этого было совсем не подходящее. Ну, вот не было там туалетов! Парадные домов и решётки подворотен были закрыты намертво. Так как жильцы окрестных домов прекрасно знали, что Праздничная демонстрация – это стихийное бедствие, и жёлтая волна цунами из мочи захлестнёт все подворотни и подвалы да так там и останется. А людям здесь ещё жить! Не хорошо-с!

Нам предстояло решить задачу из разряда: «Что могут сделать одновременно четыре мужчины, но не могут сделать две женщины?» Ответ был сравнительно простым: «... в одно ведро!» Но ведра у нас не было, а количество мужчин было гораздо больше четырёх.

Поэтому, исходя из закона больших чисел и курсантской смекалки, было принято вынужденное решение: флот не опозорить, а, прикрыв собой страждущих товарищей, провести операцию по увлажнению мостовой Старо-Невского проспекта праздничным поливом. Создав зону полива путём сплочения наших рядов по краям зоны, передовые отряды успешно справились с задачей, поменявшись затем местами с арьергардом. Операция не вызвала демаскировки, была проведена успешно и вовремя, так как сразу же после её окончания поступила команда: «Начать движение!» И все мы, с радостными лицами, лёгким сердцем и транспарантами в руках, в едином порыве со всем прогрессивным Человечеством, стройной весёлой колонной проследовали по всему Невскому проспекту до Дворцовой площади, где нас приветствовало партийное и городское руководство, а также многочисленные заслуженные и уважаемые граждане города Ленина и трёх Революций! После успешного прохождения личный состав был доставлен в расположение Училища, накормлен праздничным обедом и отпущен в увольнение до 23.00.

К любимой тётушке я прибыл во всём флотском блеске. Её коммуналка находилась у Балтийского вокзала, в помещении бывшей бани. Представляла она из себя длиннющий коридор с комнатами жильцов, двумя туалетами, ванной комнатой, сводчатыми потолками и огромной общей кухней. Тётушка встретила меня в дверях весёлой и уже «принявшей» участие в общем празднике. «Ой, как хорошо! – расцеловала меня она. – А мы тут все вместе празднуем! Идём с нами за стол!» Всех жильцов я знал ещё по тому времени, когда поступал в Училище и останавливался у тёти. И меня все знали, но вот в форме видели впервые. Пришлось мне почувствовать себя «свадебным генералом», но это ощущение быстро прошло, поскольку все были искренне рады моему приходу. Отмечать праздники всей квартирой была давняя здешняя традиция. Все собирались за большим круглым столом на кухне, который ломился от всяческих простых, но разнообразных закусок, салатов и пирогов. Горячая картошка с укропчиком в большой кастрюле распространяла дивный аромат праздника, а соленья и грибочки

просились с тарелок на вилки, чтобы быть затем мгновенно поглощёнными после завершения очередного праздничного тоста! Вино и водка употреблялись в меру и исключительно для поднятия настроения. В то время я ещё не пил алкоголя, и тётушка, зная об этом, решительно пресекала все попытки соседей налить мне праздничную чарку: «Вы мне парня не портите, ему ещё в училище возвращаться надо будет!» Потом мы все смеялись, наперебой рассказывали кучу разных интересных историй, танцевали под магнитофон, детская мелюзга прыгала вокруг стола, играла в прятки и каталась по коридору на велосипеде. Все были друг другу родными и близкими, как весь наш, отмечающий

Праздник, великий и могучий Советский народ!

VIII.

Освоение учебной программы было нашей главной, неуклонной и наиважнейшей задачей. Краеугольным камнем, определяющим наше «бытие». Никого не волновало, каким путём ты достигнешь результата, но результат обязан был быть положительным.

Интерес к изучаемому предмету был в прямой зависимости от личности преподавателя.

И в этом нам повезло: такого количества выдающихся личностей, профессионалов своего дела, как сказали бы сегодня – «Звёзд», в нашем училище было невероятно много! Простое перечисление их имён ничего не скажет стороннему человеку, но те, кто «в теме», знают, что именно эти люди сделали ЛМУ «брендом», «фирмой», авторитетнейшим учебным заведением с престижной репутацией.

Про выпускников ЛМУ ММФ в парходствах говорили коротко: «Ребята пьют, но дело знают!» Не раз я потом встречал лично или слышал от коллег по работе рассказы о выпускниках ЛМУ. Наши парни, работая на судах, после немислимых возлияний, даже в состоянии «полного аута», будучи усажены за пишущую машинку, осуществляли радиообмен, принимали сверхважную на тот момент корреспонденцию, распечатывали её на бланках радиogramм, давали подтверждение приёма и тут же «вырубались» окончательно. А, проспавшись, с удивлением узнавали, что вся необходимая работа ими сделана, всё принято, и у капитана нет никаких претензий к радиослужбе в отношении радиосвязи. Есть радисты, на слух принимающие быстроедействие (250 знаков в минуту), которое обычным порядком сначала записывается на магнитофон, а потом на пониженной скорости расшифровывается оператором. При этом вся информация принимается таким радистом сначала без записи на бланк радиogramмы (РДО), а потом безошибочно восстанавливается по памяти и распечатывается. Так вот, преподавателями этих людей были «суперпрофессионалы». Слова: «Я окончил ЛМУ ММФ» имеют вес в каждом морском уголке нашей необъятной Родины.

Но всё это будет потом, а пока ты сидишь в классной аудитории и ждёшь, когда придёт преподаватель. И вот стремительно распахивается дверь, в аудиторию влетает и со страшной силой, точнёхонько на преподавательский стол плюхается солидный преподавательский портфель! Ба-бах! Следом за ним появляется и сам преподаватель. Старшина подаёт команду, и все встают, приветствуя его. Как говорится, чтобы завоевать уважение курсанта, его надо или удивить, или напугать!

Курсанты, бойтесь преподавателей с тихим голосом, плавными манерами и скучным изложением материала! Обстановка в аудитории, которую создаёт такой преподаватель, свергнет вас в сон, вы попадёте в объятия Морфея, как муха в паутину кровопийцы-паука. Тогда ваша голова соскользнёт с подпирающего её кулака и рухнет в бездну, навстречу очень твёрдой поверхности стола, и вы, дёрнувшись, как от удара электрическим током, судорожным движением, в последний момент сумеете избежать травмы лица! И вот именно в этот момент,

когда вы счастливо избежите лёгких косметических неприятностей, вы будете застигнуты этим тихим и интеллигентным преподавом, снявшим очки и внимательно смотрящим на вас детскими ясными глазами, в которых будут проступать слёзы. Он обидится на вас до глубины души, посчитает ваше поведение на лекции личным оскорблением, занесёт вашу фамилию в чёрный список своих заклятых, подлежащих ликвидации врагов и превратится в ваш постоянный «Ужас, летящий на крыльях ночи!», который будет преследовать вас до вашего полного и безоговорочного распятия на алтаре Науки! И только в случае, если вы испытаете все муки Христа, пройдёте все круги ада, будете зазубривать, как «Отче наш», конспект лекций, купите учебник этого преподавателя и перед экзаменом попросите подписать его вам на память, то тогда, возможно (повторяю: возможно!!!) вы будете прощены и получите свою положительную оценку на экзамене!

А вот тот Преподаватель, который у доски объясняет вам устройство трансформатора, и со словами «... что хорошо – обмотка не горит!», оборачивается и видит вас спящим на его лекции, а затем отточенным движением руки запускает кусок мела вам точно в лоб, – это в дальнейшем ваш любимейший педагог! Который, (как и первый преподаватель), тоже окончил ЛМУ пару десятков лет назад, прошёл все моря и океаны и вернулся в стены родного Училища, научить тебя, оболтуса и лентяя, разбираться в электротехнике так, что ты будешь всю дальнейшую жизнь в День Радио пить за его здоровье и вспоминать эти дни обучения как самые счастливые дни в твоей жизни!

IX.

В учебном корпусе существуют два вида учебных помещений: аудитории, которые являются фактически классными комнатами, и кабинеты, специально оборудованные различной радио-, электро- и навигационной техникой. Вся техника и приборы действующие и идентичны тому оборудованию, на котором в дальнейшем придётся работать на судах. (Имеются ещё лаборатории, мастерские и физкультурный зал, но пока речь не о них). В аудиториях, которые в основном закреплены за каждой учебной группой, курсанты находятся на занятиях и к ним приходит преподаватель. В кабинетах же находятся преподаватели, а курсанты приходят к ним на занятия. При каждом кабинете есть особое помещение – лаборантская. Там находятся учебные пособия, различные материалы, необходимые на уроке и много чего ещё. Штатных лаборантов было мало: я помню только одного. Все звали его «Рука», поскольку вместо одной руки у него был протез. Он был закреплён за кабинетом Радиотехники. Во всех остальных кабинетах были общественные лаборанты из числа курсантов нашего отделения. Преподаватели сами выбирали себе лаборантов, каждый год новых. В обязанности лаборанта входило поддерживать порядок в кабинете, следить за исправностью оборудования и учебной документации, выполнять всяческие мелкие ремонтные работы и оформлять кабинет наглядными пособиями. Предметы изучались в основном в течение года обучения, после чего все сдавали экзамен, а на следующий год рота переходила на следующий курс, и к этому преподавателю приходили новые учебные группы. Поэтому стать лаборантом была большая удача!

Во-первых: преподаватель выбирал себе самого толкового, разбирающегося в его предмете курсанта, доверял ему брать ключ от кабинета и (самое главное) лаборантской комнаты! Пятёрка на экзамене лаборанту была гарантирована, если преподаватель был доволен его работой!

Во-вторых: лаборанты не участвовали в приборках помещения роты. Считалось, что в это время они занимаются уборкой кабинетов. Поскольку кабинеты всегда были в образцовом состоянии, то уборка в них была делом необременительным. Главное, что контролировал лаборанта только сам преподаватель! Старшины в этом плане власти над тобой не имели.

В-третьих: лаборанту выделялось время на обслуживание кабинета. Выделялось это время по необходимости. А необходимость определял сам лаборант! Старшина, конечно, мог проверить, как добросовестно курсант-лаборант использует это время. Но для этого у старшины должно было возникнуть (ну очень!!!) большое желание топтать из экипажа до учебного корпуса через всю территорию училища.

И самое главное: лаборант мог хоть какое-то время побыть один! В Училище ты всегда окружён людьми: в кубрике, в роте, в столовой, в учебном корпусе. Всё время ты находишься под чьим-то взглядом. Это напрягает, и морально ты сильно устаёшь! И так изо дня в день, из месяца в месяц. Расслабиться ты можешь только, когда спишь! Поэтому курсант способен спать где угодно и когда угодно! Можно было бы сказать еще сколько угодно (!), но кто ж ему даст?!

Лаборантская комната – именно то желанное место, где курсант-лаборант был (относительно) недосягаем для всех раздражающих факторов! Это была «шхера» для курсанта, тихая и безопасная. Поэтому такие лаборантские комнаты иначе и не называли! Плюс, ко всему вышесказанному, лаборанту официально полагалось две дополнительных недели к летнему отпуску! Фантастика!

Чем больше было у тебя друзей-лаборантов, тем комфортнее тебе жилось в Училище.

Каждый лаборант тайно оборудовал «шхеру» для собственных нужд. Нежилое помещение старательно превращалось в жилое. В жилых помещениях запрещалось иметь нагревательные приборы. В кубрике мы кипятили воду для чая в литровой банке при помощи двух лезвий для бритвы «Нева», надетых на кусок карандаша и прикрученного к ним, уже знакомого вам, двухжильного провода с электрической вилкой (вспомните про радио в кубрике). Здесь же можно было занюхать настоящий электрический чайник, стаканы, кое-какую посуду. Запас чая и сахара. Инструменты, которые в роте обязательно сопрут! Здесь было минимум три стула, на которых при желании можно было лежать, составив их в ряд.

Вершины в оборудовании «шхеры» достиг курсант нашей группы. Кликуха у него была «Сокол». Парень он был «рукастый», смекалистый и хитрый. Он не стал связываться с лаборантством, а втёрся в доверие к завхозу училища и стал внештатным плотником. Ему в подвале экипажа № 2 было выделено помещение под мастерскую, где он развернулся на всю катушку. Ключ от этого помещения был только у него одного. Там было всё, начиная от мебели, включая диван и заканчивая сейфом. Как плотник он имел неограниченный доступ повсюду. Сумел подобрать ключи почти ко всем помещениям Училища, включая кабинет Начальника Училища. В свою «шхеру» он тащил всё, что плохо или хорошо лежало на территории и в корпусах Системы. Как «Скупой Рыцарь», он копил богатства впрок и любил ими перед нами хвастаться. К его рукам прилипало всё, что представляло хоть какую-нибудь ценность. Главной ценностью для курсанта были конспекты. Только хороший полный конспект, заполненный разборчивым почерком, был основой успешной сдачи экзамена по каждой дисциплине. Конспекты берегли и хранили их с особой тщательностью. Потерять конспект перед экзаменом – была самая большая катастрофа! Конспекты всё равно пропадали, и кто знает, куда они девались. Свой конспект я отобрал у «Сокола» лично после того, как он положил его в свой портфель. Он клялся и божился, что это получилось машинально. Кто знает ...

Х.

Трудно сказать, была ли наша 221 группа самой успевающей по учёбе в роте, но лаборантов, включая меня, было четверо! Старшине приходилось каждый раз ломать голову: кого послать на уборку помещения роты от нашей группы. Состав группы – 30 курсантов. Из них пять старшин: старшина роты, его заместитель, старшина группы, его зам., плюс зам. старшины

оркестра. Четыре лаборанта. Двое в суточном наряде по роте. Двое готовятся к наряду. Один в наряде по камбузу. Пять уборщиков кубриков. «У одного понос, у остальных золотуха!» Ау! Люди, вы где? Меньше половины группы лениво выходит на построение. Командир роты в очередной раз, видя, что на уборку вышли «полтора землекопа», открывает было рот, чтобы задать вопрос старшине о наличии личного состава, но, вспомнив, что это первая группа, в сердцах машет рукой и говорит старшине: «Командуйте!» И старшина роты орёт: «Начать приборку!»

Наш командир роты был капитаном 3-го ранга. Всех подробностей его жизни я не знаю, но, как мне известно, он служил старпомом на подводной лодке, потом пришёл в нашу Систему командиром роты на РТО. Провёл несколько выпусков, его сын учился на РТО и выпускался ещё до нашего поступления. Жил он в Выборгском районе на улице Кустодиева. Его адрес мы знали точно, (потом объясню – почему).

Наш отец-командир капитан 3-го ранга Ларионов Олег Николаевич.

Командиры рот были действующими офицерами ВМФ, им присваивались очередные звания, и шла выслуга лет за службу. Любимыми фразами Олега Николаевича были: «Лучше не будите во мне тигра!» и «Ну-ка, разойдись! Торпеду брошу!» Он мечтал дослужить до пенсии и послать всё подальше! Командиры рот подчинялись Начальнику Училища (который был гражданским лицом, но имел ранг адмирала) и начальнику Организационно-Строевого отдела (ОрСО). Причём последнего он боялся так же, как и все курсанты. На нашем этаже в роте у командира был свой кабинет, где он занимался делами роты и позволял себе «принять рюмашку» для поднятия настроения. Нередко к нему заходили другие командиры рот, такие же офицеры, и тогда у них случался небольшой праздник. Если начальник ОрСО отсутствовал несколько дней в училище, то «Праздник» мог продолжаться каждый день! Но начальник ОрСО с морской фамилией Макаров (все его за глаза называли «Макар») был хитёр, непредсказуем, злопамятен и подслеповат. Его коронной фразой было: «Стой, курсант! Я тебя знаю! Эй, вы трое, идите оба сюда!» Он тоже был кап.три (капитаном 3-го ранга), но, как говорится, важно не звание, а должность. Если он шёл по территории училища, то вокруг него создавался вакуум: даже офицеры избегали встречи с ним. Как говорится: «обходи трамвай спереди, автобус сзади, а дурака – за километр!» У Макара был синдром глубоко пьющего человека, который «подшился» и теперь срывает злобу на окружающих из-за невозможности выпить самому. Таких обычно называли «торпедоносец», так как капсулу («торпеду») медики вшивали в тело клиента в труднодоступном месте. О наличии «торпеды» вряд ли кто-либо знал точно, но все симптомы были налицо! Зная, что офицеры, несмотря на строжайшие запреты, всё равно втихаря выпивают в Училище, он устраивал облавы на них. Поскольку наша рота находилась на втором этаже Экипажа №2 и окна Ленинской комнаты, гальюнов и кабинета командира роты выходили на крышу вестибюля первого этажа, то теоретически через любое окно можно было выбраться на крышу вестибюля и заглянуть во все окна. Если к нашему отцу-командиру приходили товарищи офицеры «на рюмку чая», то писарь роты по распоряжению командира предупреждал дежурного по роте и дневальных, чтобы они, в случае появления Макара докладывали тому, что командир отсутствует. Макар шестым чувством знал, что офицеры сейчас пьют, но застать с поличным не мог! Это его бесило! И он, игнорируя информацию, полученную от дневального, что командира нет в роте, вылезал через окно Ленинской комнаты на крышу вестибюля экипажа и заглядывал в окна командирского кабинета. Пока он дёргал ручки рам, ища не забитое гвоздями окно, дневальный мчался к двери кабинета и орал шёпотом в дверь: «Атас! Макар идёт на крышу!» В кабинете была лёгкая паника, окно мгновенно зашторивалось занавеской, был слышен звон стекла, убираемого со стола, офицеры под столом и стульями экстренно принимали положение «лёжа», и наступала мёртвая тишина. Макар, матерясь, вылезал на крышу, подслеповато шурился через занавеску командирского окна, пытаясь разглядеть обстановку внутри помещения, но это похоже ему не удавалось. Пунцовый, сжимая кулаки и метая глазами молнии, он покидал помещение под команду дневального: «Рота, смирно!»

Спустя какое-то время офицеры рысцой покидали расположение роты и успокоенный дневальный подавал команду: «Рота, вольно!» Писарь закрывал отдыхающего в кабинете командира на ключ до вечера. А вечером два подвахтенных дневальных одевали командира в его шинель, сверху водружали фуражку и, поддерживая под руки нетвёрдо ступающего отца-командира, сопровождали его через весь город на метро до дома, где передавали из рук в руки командирской жене. А наутро, в 07.00, гладко выбритый, пахнувший одеколоном и абсолютно трезвый отец-командир проверял во вверенной ему роте производство команды «Подъём»!

Как нам потом рассказывали ребята, на Кубе, в порту Гавана, на причальной стенке пирса, огромными буквами по-русски белой краской было написано: «Макар – дурак!»

Закончилось всё для него плохо. Вероятно, не выдержав лечения, он на следующий год был в пьяном виде остановлен в городе военным патрулём, вступил в пререкания, был задержан и доставлен в гарнизонную комендатуру. Больше в Училище мы его не видели.

XI.

Поскольку офицерская зарплата ограничена суммой оклада и надбавки за звание, а жена командира прекрасно знает, сколько денег получает её «благоверный», то наш отец-командир знал тысячи способов получить желаемое «горючее» без сокращения денежного довольствия своей семьи. За каждый проступок, курсант был обязан принести командиру «объяснительную». Желательно в таре по 0,5 литра. Наказание всё равно было неотвратимо, но информация о проступке не выходила за расположение роты. Таким образом, командир не снижал показатели дисциплины во вверенной ему подразделении и был у руководства на хорошем счету.

Когда большинство курсантов поняли, что брюки с «клиньями» носить категорически запрещено, всеми были пошиты у городских портных чёрные брюки «клёш» с соблюдением всех деталей, присущих флотским форменным брюкам. В таких брюках ходили исключительно в увольнение, покрасоваться перед девушками. Хранились они в рундуках кубриков, не на виду, но и не особо спрятанные. В один прекрасный день вся рота, вернувшись после утренних занятий в экипаж, обнаружила, что все «шитые» брюки исчезли из рундуков. Народ возроптал! Но командир роты на общем построении показал всему строю огромный полотняный мешок, в котором и находились все наши неуставные брюки.

Когда рота была на занятиях, командир дал дневальному пустой мешок и устроил «шмон» по всем рундукам. Неуставные брюки изымались и помещались в мешок. Таким образом, все, включая старшин, оказались «без штанов» (неуставных)! Командир приказал мешок прошнуровать и опечатать. Дневальный скрепя сердце выполнил приказание. После этого командир сказал, что если ещё раз обнаружит неуставные предметы в кубриках, то разговор будет совсем другой! «Лучше не будите во мне тигра!» – предупредил он. Далее он сказал, что сейчас поместит этот мешок в кладовую в подвале нашего здания под замок и выдаст нам всё обратно только по окончании пятого курса. Строй проводил глазами, полными печали, удаляющегося дневального с мешком и, проклиная судьбу, отправился продолжать обучение.

Прошёл примерно месяц. Войдя как-то раз в роту, я заметил некую суету на этаже.

Время от времени кто-нибудь из курсантов осторожно входил в кабинет командира и вылетал оттуда с брюками в руках. Как выяснилось, пара старшин решила вернуть себе «конфискат» и каждый преподнёс командиру по «объяснительной». Это было роковой, но счастливой для остальных курсантов ошибкой. Отец-командир благосклонно принял дары и убрал «объяснительные» в командирский сейф. Затем прочитал небольшую лекцию о необходимости поддержания уставных отношений в роте. И, взяв устное обещание с «принесших дары» «унести своё барахло из роты к родственникам в город, к чёртовой матери!», приказал дневальному принести мешок. Как только приказание было выполнено и счастливые и довольные просители ушли от него со «своим барахлом», командир открыл сейф, чтобы наконец-то продегустировать подношение. Получилось недурственно!

Потом ещё разок, и ещё! Когда кто-то из курсантов, постучавшись и не услышав ответа, вошёл к нему в кабинет, то увидел сладко спящего за столом командира, слегка похрапывающего и склонившего на руки свою курчавую голову. Открытый мешок стоял перед столом и манил своим содержимым. В открытом сейфе была видна одна, уже полупустая, «объяснительная». Когда курсант появился из дверей кабинета с брюками в руках, мгновенно образовалась живая очередь из желающих вернуть «свои кровные». Всё происходило в полной тишине. Только слегка хлопала дверь и слышались быстро удаляющиеся шаги. Через несколько

минут мешок был пустым. Причём мне удалось найти и вернуть именно свои брюки. Остальным могло повезти меньше или совсем не повезти, так как некоторые вылетали с несколькими парами («потом разберёмся»)! Глубоким вечером два подвахтенных дневальных, держа под руки, сопровождали отца-командира знакомым маршрутом для передачи его из рук в руки командирской жене!

А мы стали теперь хранить свой «шитый неуставняк» в кубриках, в образцово застеленных койках. Между матрасом и простыней!

ХII.

Количество и качество знаний, получаемых курсантом за весь период обучения на РТО в ЛМУ ММФ, поражает! Выпускник должен был уметь передавать и принимать на слух радиотелеграфные сообщения со скоростью 110 знаков в минуту с записью на пишущей машинке. Знать и использовать всё радио-, радионавигационное и электронavigационное судовое оборудование. Быть способным вести радиотелефонные переговоры и использовать техническую и служебную документацию на английском языке. Уметь устранять поломки и производить техническое обслуживание вышеуказанного оборудования. Нести самостоятельную вахту в эфире согласно расписанию и обеспечивать безопасность жизнедеятельности человека на море. Всё это выпускник ЛМУ ММФ СССР реально мог делать, работая на морском (речном) флоте. Недаром выпускнику РТО вручались два диплома: радиооператора 2-го класса (международного образца) и радиотехника (общеустановленного образца для средних специальных учебных заведений СССР). Чтобы получить заветные дипломы, требовалось за весьма ограниченное время пройти полный курс по многочисленным учебным дисциплинам, успешно сдать зачёты, лабораторные и курсовые работы, а также семестровые экзамены, получить положительные отзывы о прохождении плавательной практики на действующих судах различных пароходств и сдать Государственные экзамены. Поэтому курсанты каждого курса очень отличались своим уровнем знаний, профессиональной подготовки и способностями принимать самостоятельные решения. Приём в Училище производился на базе 10-летнего школьного образования. Сразу на второй курс (ранее был приём после 8 классов школы, но потом от него отказались, а система курсового обучения осталась прежней). Поэтому поступивший в Училище сразу с гордостью носил на рукаве курсовой знак с двумя «галочками». На этом «гордость» второкурсников и заканчивалась. Каждому курсу присваивалось своё меткое и ёмкое литературное название:

Второй курс – «Без вины виноватые» (или «Униженные и оскорблённые»). Наиболее точным названием было – «Приказано выжить!»

Третий курс – «Горе от ума!»

Четвёртый курс – «Их знали только в лицо»

Пятый курс – «Кому на Руси жить хорошо!»

Про второкурсников («Приказано выжить!») я уже вам рассказывал кое-что ранее.

Третьекурсники («Горе от ума!») были основной постоянной составляющей Системы. Они весь третий курс находились непосредственно на территории Училища, выполняли все организационно-технические мероприятия и дежурно-караульные функции, усваивали огромное количество учебного материала, знали все тонкости курсантской науки выживания и готовились на практике применить все полученные знания на следующем курсе.

Четвёртый курс («Их знали только в лицо») в училище появлялся только на два месяца. Сразу же с начала учебного года курсанты отправлялись на работы в подшефное колхозное сельское хозяйство, расположенное в Ленинградской области. Месяц на «картошке». Потом все направлялись на военно-морские базы Балтийского флота для прохождения стажировки на боевых кораблях. По возвращении курсанты учились три месяца, оставшихся от учебного года. Проходили «визирование», необходимое для прохождения плавательной практики на судах заграничного морского пароходства Северо-Запада. Четыре месяца бороздили моря и океаны, постигали основы самостоятельной работы и возвращались на пятый курс Училища загорелыми, «просоленными» и упакованными в заграничные шмотки мореманами.

С пятикурсниками преподаватели и офицеры училища уважительно разговаривали уже как с младшим плавсоставом, и относились к ним, как к молодым, но самостоятельным, без пяти минут, специалистам. Им было действительно «Жить на Руси хорошо», так как «Ленинградцам» разрешалось проживание дома, а не в Училище.

ХШ.

Курсовая работа подразумевала, что курсант способен самостоятельно что-либо радиотехническое рассчитать, начертить или собрать своими руками. Курсовое задание выполнялось курсантом по согласованию с преподавателем. Большинство наглядных пособий для кабинетов изготавливалось курсантами самостоятельно. Преподаватель только давал задание. Всё исполнение этого задания, включая используемые материалы, лежало на исполнителях. Задача была одна – получить зачёт! Во многих кабинетах висели огромные схемы различного судового оборудования. Они имели гигантские размеры, и изображённое на них могло быть хорошо видно всем с любой точки аудитории. В соответствии с размерами схем были изготовлены и деревянные указки длиной до трёх метров. Курсантам выдавался чертёж схемы на бумажном листе формата А4, а от них требовалось перенести этот чертёж в увеличенном виде на клеёночное полотно размером в несколько огромных простыней. Курсанты бежали в ближайшую аптеку и скупали весь запас рыжей медицинской клеёнки, которую обычно используют, чтобы не промокала постель под лежачими больными. Потом за шоколадку можно было упрямить кастеляншу, которая сидела в подвале Экипажа №2, сшить на швейной машинке все эти клеёнки в одно большое полотно. А затем, аккуратно разлиновав исходный чертёж по клеточкам, расчертить клетками полотно клеёнки в нужным пропорциях и в карандаше перенести схему с формата А4 на эту гигантскую «пелёнку для слона». Тысячу раз проверить каждую линию чертежа и только затем аккуратнейшим образом, при помощи плакатных перьев и туши, начертить огромную схему «Радиоприёмного устройства «Шторм» или, скажем, «Волна-К», которая потом займёт своё достойное место в кабинете «радиоприёмных устройств» (РПУ) или (если вы изобразите схему передатчика) в кабинете РПУ (радиопередающих устройств). Эта схема года за три выцветет, истреплется на углах, будет проткнута в нескольких местах трёхметровой указкой, тушь осыплется. И новое поколение курсантов побежит в аптеку добывать рыжую клеёнку для получения зачёта по очередному курсовику.

Курсанты, рука которых не столь тверда, чтобы провести плакатным пером прямую линию, выбирали создание какой-либо электронной штучки, которая будет мигать, гудеть или крутиться при включении тумблера. Можно было сделать акустический выключатель для освещения, который срабатывал от хлопка ладонями. А потом, при демонстрации его преподавателю, разразиться настоящими (даже не аплодисментами) овациями, пытаясь включить лампу накаливания, соединённую с этим выключателем в одну электрическую цепь. И когда, благодаря вашим нечеловеческим усилиям, лампа всё-таки зажеглась, вы могли смахнуть гудящими от хлопков ладонями пот со лба и получить свой «зачёт»!

Если с радиоделом вы были ещё не «на ты», то можно было изготовить вышеуказанную трёхметровую указку, с гордостью предоставить её преподавателю и, получив «зачтено», установить её в пирамиду таких же, ранее изготовленных, гигантских «бильярдных киев». Это было страшное оружие! Если преподаватель, взяв указку в руки и показывая прохождение радиосигнала по входным цепям радиоприёмного устройства, заметит, что кто-то из курсантов очарован его рассказом и, смежив веки, «улетает» в бесконечные просторы эфира, то жди беды! Будет произведён резкий размашистый удар трёхметровой «палкой» по преподавательскому столу, и грохот, подобный залпу главного калибра линейного корабля «Марат», не только вернёт задремавшего курсанта в аудиторию, но и заставит его попросить разрешения у преподавателя срочно выйти в галлюн (туалет), чтобы не опозорить честь Флота! По причине большой вероятности поломок указок от вышеуказанного использования их запас регулярно пополнялся курсантами.

Если же вам было лень заниматься этим творчеством кружка «Умелые руки», то вы, включив «соображалку», искали подходящего размера деревянную коробку. Клали внутрь строительный кирпич. Приделывали к нему батарейку «Крона» с лампочкой и тумблером. С одной стороны коробки внутрь подсоединяли двухжильный электрический провод с электрической вилкой на конце, а с другой стороны выводили штепсельную розетку, соединённую в электроцепь с выключателем, лампочкой и батарейкой.

Потом заколачивали гвоздями верхнюю деревянную крышку, предварительно выведя на неё лампочку и выключатель. И, гордо назвав эту конструкцию «Блок питания постоянного тока 220в/9в», приносили её преподавателю. Обрадованный преподаватель вставлял вилку в розетку 220 вольт, включал тумблер, загоралась лампочка, преподаватель замерял напряжение 9 вольт на клеммах розетки «блока питания», и довольный ставил в курсантской зачётной книжке вожделенный «зачёт»! А этот «шедевр» электротехники оставлял у себя в кабинете для дальнейшего использования.

К тому моменту, когда батарейка окончательно разряжалась, эта учебная дисциплина курсантом была уже пройдена, экзамен сдан, и курсант находился на плавательной практике где-нибудь за границей. А преподаватель, вскрыв «блок питания» для устранения неисправности, хмыкнув, вспоминал наглеца добрым тихим матом!

XIV.

Помимо гражданской профессии, выпускники ЛМУ ММФ получали ещё и воинскую специальность. Вся прелесть обучения в нашем Училище была в том, что после выпуска тебе присваивалось воинское звание младшего лейтенанта запаса Военно-Морского Флота СССР! Ты становился офицером запаса, и то время, что ты провёл в стенах Училища, не выпадало из твоей жизни, как, скажем, срочная служба в Армии или на ВМФ. Это обстоятельство резко поднимало престиж нашей Системы. И поэтому конкурс при поступлении в наше среднее специальное учебное заведение был не меньше, чем в высшее. Военно-морскую подготовку мы проходили на Военно-Морском Цикле (ВМЦ). Располагался он в одном здании с Экипажем №1, но занимал отдельный комплекс помещений размером с половину здания, с оборудованным КПП (контрольно-пропускным пунктом) и отдельным входом со стороны стадиона. Начальником военно-морской подготовки (ВМП) был кадровый офицер, капитан первого ранга (каперанг). Преподавателями также были кадровые офицеры ВМФ, морской авиации и некоторых других родов войск. Организация обучения проходила с соблюдением всех норм и правил, применяемых в военных училищах. Военно-Морской Цикл жил своей параллельной военной учебной жизнью, во многом очень похожей на нашу, гражданскую. Учебные дисциплины в принципе были одни и те же. Но здесь была уже жёсткая специализация, напрямую относящаяся

яся к ВМФ. В учебных классах мы знакомились с настоящим вооружением: могли посидеть на месте наводчика и покрутить ручки управления приводных механизмов корабельного зенитного орудия, потрогать руками настоящие торпеды, заглянуть внутрь донной мины, включать военные радиостанции, приёмные и передающие устройства. Но основная подготовка велась по изучению электрических принципиальных схем аппаратуры связи, применяемой на ВМФ. Часто эти сведения были засекречены, поэтому с Военно-Морского Цикла было запрещено выносить что-либо, представляющее собой Государственную тайну. Конспекты курсантов хранились в «Секретной части», в особых, опечатанных мастичными печатями чемоданах. Чемоданы с конспектами выдавались особым уполномоченным лицам – «секретчикам», из числа обучающихся курсантов. Почти три с половиной года я носил этот чемодан, выдавая конспекты курсантам нашей группы только на лекции или занятия по самоподготовке.

Преподаватели на ВМЦ были разными, я бы сказал: «разнообразными». Некоторые особо примечательные личности были знакомы многим поколениям выпускников ЛМУ ММФ. Один из преподавателей носил весьма экзотическую кликуху «Роза в стакане». Был он мягок в манерах, напоминая помещика Манилова из «Мёртвых душ» Гоголя. Но курсанты его не очень любили, так как лекции он читал нудно и неинтересно. Основным интересом преподавателя было не повышение уровня образования курсантов, а тяга к «Зелёному Змею». За эту тягу он и был с позором изгнан из Училища спустя три-четыре года после нашего выпуска. Вторым из преподавателей ВМЦ в памяти остался подполковник военной морской авиации Краснов. Сначала у него была кличка «Буратино». Но потом сама его фамилия стала именем собственным. Он был всегда подтянут, строг, но высоко ценил шутку, и его речь изобиловала запоминающимися оборотами, которые позволяли поддерживать мозг курсанта в тонусе во время лекции и не позволять ему впадать в спячку.

К примеру: «Ток – как курсант: всегда следует по пути наименьшего сопротивления. Поэтому он проходит через гвардейский резистор R2, включённый параллельно конденсатору C2, которые вместе образуют «гридлик» (Гридлик (англ. grid leak – утечка сетки) – цепь автоматического смещения в конструкциях с электронной лампой. Состоит из параллельно соединённого конденсатора и резистора, включённых между катодом и сеткой).

После незнакомого слова мозг курсанта окончательно просыпался и снова адекватно воспринимал объяснения преподавателя. А шутка, что на склад вчера завезли свежую партию гридликов и требуются желающие отправиться на их разгрузку, ещё долго ходила между курсантами. Тезис «Тяжело в учении – легко в ресторане, с дипломом в кармане!» сопровождал нас на протяжении всего времени учёбы. В рамках военно-морской подготовки курсанты на четвёртом курсе проходили двухмесячную стажировку на военных кораблях, а на пятом курсе сдавали Государственный экзамен. Звание младшего лейтенанта запаса присваивалось не в училище, а в военном комиссариате по месту дальнейшей работы молодого специалиста. Поэтому военный билет выпускники училища получали, лишь прибыв к месту назначения. Без военного билета ты продолжал оставаться призывником, и это заставляло тебя обязательно прибыть на место работы. Это было хорошим стимулом для планового трудоустройства молодых специалистов даже в самых удалённых уголках нашей необъятной Родины. Большинство знаний, полученных на ВМЦ, нам в дальнейшем так и не пришлось использовать в работе. Ну и, Слава Богу!

XV.

Отношение администрации к курсантам Училища складывались, как в любом большом коллективе: всегда высоко ценились специалисты. Курсантов, хорошо владеющих какой-либо приемлемой для Училища специальностью (сварщик, плотник, столяр), имеющих выдающиеся спортивные заслуги (спортивные разряды или звания), обладающих художественными или

музыкальными способностями или, наконец, имеющих красивый разборчивый почерк, руководство обязательно выделяло из всего личного состава и активно использовало для различных нужд Училища и своих собственных. То есть, находясь в кругу внимания руководства, ты имел больший авторитет, чем остальные сокурсники. Это не особо сказывалось на личных отношениях между курсантами, но было плюсом при рассмотрении каких-либо отдельных вопросов: например, характеристики на получение визы для заграничного плавания. Да, и дальнейшее распределение по местам работы будущих молодых специалистов могло во многом зависеть от их деятельности в Училище. Как сказал нам один Первый помощник капитана, когда мы проходили плавательную практику: «Работайте на авторитет! Потом авторитет будет работать на вас!»

Среди нас было несколько великовозрастных, уже женатых, курсантов, успевших поработать по полученным ранее специальностям. Они сразу же устраивались на полставки на работу в Училище и кормили свои семьи, потому что на 9 рублей семью не прокормишь. Было много ребят с первыми взрослыми спортивными разрядами по борьбе, гребле, лёгкой атлетике, многоборью. Были кандидаты в мастера спорта по боксу и радиоспорту (причём второй из них учился в нашей группе и был чемпионом России среди юношей в личном зачёте). Всем нашлось применение для того, чтобы продолжать славные традиции Ленинградского Мореходного Училища ММФ СССР. Каждая рота к очередному празднику подготавливала стенную газету. Мне, как окончившему первый класс детской художественной школы, пришлось вспомнить все приобретённые ранее навыки художественного творчества и взяться за краски и карандаши. Вместе с другими ребятами мы рисовали стенгазету к Новому году на трёх больших, склеенных между собой листах ватмана. Остальные роты делали то же самое. В Училище проводился традиционный конкурс стенных газет, и в случае победы в нём победителей ожидало поощрение от руководства Училища. Наша газета отличалась от школьной стенгазеты тем, что здесь мы были полными хозяевами и сами решали, что рисовать и о чём писать. Полнейшее курсантское народное творчество! Да и на это время, пока мы делали газету, нас освобождали от всех остальных работ. «Лучше держать в руках тяжёлый карандаш, чем лёгкий ломик!» – гласит народная мудрость! После двух недель наших усилий появилось огромное художественное полотно с заголовком «Аргонавты». Название было хорошее, но очень длинное. На то, чтобы нарисовать столько букв, ушла неделя времени. За вторую неделю на полотне появилось изображение заснеженного Учебного корпуса, перед которым юный Новый год в морской форме докладывал стоящему за штурвалом, румянному Деду Морозу о заступлении на Праздничную вахту. Снежинки живописно окружали заметки о жизни роты, снегири украшали ёлки перед Училищем, и всё это сверкало и переливалось блёстками от разбитых ёлочных игрушек. Нам самим так понравилось, что мы сфотографировались вместе со своим «детищем». Перед Новым годом все роты вывесили свои газеты в Актовом зале, и курсанты на переменах ходили смотреть на творения ротных художников. Училищное жюри конкурса присудило Первое место газете нашей роты! Нам объявили благодарность от Начальника Училища, а командир своей властью разрешил мне на Новый год съездить домой в Калинин.

XVI.

Моряки всегда отличались хорошей физической подготовкой, и в нашем Училище для этого были все условия. Весь второй курс курсанты были обязаны выходить на утреннюю зарядку. Если позволяли погодные условия, то зарядка проводилась на свежем воздухе. Разрешалось заниматься утренними пробежками. Для этого прекрасно подходил стадион Училища. Если же он был закрыт на просушку или его «директор» Николай Николаевич Боговец (Кал Калыч) проводил на его территории какие-либо ремонтные работы, то курсанты с разрешения старшин могли до подъёма выбежать на Большой Смоленский проспект, добежать до проспекта Обуховской обороны и возвращаться обратно к окончанию зарядки. На территории училища был построен плавательный бассейн. Предыдущие выпуски участвовали в его строительстве, а нам довелось в нём поплавать.

Бассейн был прекрасно оборудован. Двадцатипятиметровая чаша бассейна с трёхметровой глубиной у двух вышек для прыжков (5 и 3 метра) была разделена на несколько водных дорожек со стартовыми тумбами. Большие часы с секундомером, зал для «сухого» плавания, оборудованные душевые комнаты и раздевалки прекрасно дополняли этот спортивный комплекс. В лихие времена 90-х годов в этом бассейне сделали дельфинарий. Возможно, сейчас там уже всё изменилось, но тогда мы получали настоящую подготовку. Нас научили правильно плавать, прыгать в воду с большой высоты, буксировать утопающего, оказывать первую помощь при утоплении и проплывать большие дистанции с наименьшими затратами энергии. Всё это очень могло пригодиться в условиях работы на море для спасения не только своей, но и жизни других людей.

В каждом мореходном училище обязательно есть команда по гребле на шестивёсельных ялах. Это традиция. Соревнования между морскими училищами города проводились регу-

лярно, каждый год. Поскольку я до Училища три года занимался греблей (правда, на спортивной байдарке) и имел первый спортивный разряд, то в команду был зачислен сразу. Остальных ребят набирали по принципу: выше и сильнее. Нас было шестеро гребцов, «грамотных в плечах». Но полный экипаж яла включал ещё и рулевого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.